

ВОСКРЕСЕНІЕ ХРИСТОВО И ЕГО НРАВСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ ¹⁾.

Три важнѣйшихъ момента составляютъ евангельскую исторію: чудеса Христа, Его смерть и воскресеніе. Внутренняя связь этихъ трехъ моментовъ въ томъ, что Господь Христосъ Иисусъ отрекся отъ внѣшней славы и предпочелъ ей смерть для того, чтобы основать царство сыновъ воскресенія. Начальникъ и совершитель вѣры, Иисусъ, по словамъ апостола Павла, вмѣсто предлежавшей Ему радости претерпѣлъ крестъ, пренебрегнувъ посрамленіе, и возсѣлъ одесную престола Божія (Евр. XII, 2). По ученію того же апостола, Христосъ, будучи образомъ Божиимъ, не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Богу; но уничижилъ Себя Самого, принявъ образъ раба, сдѣлавшись подобнымъ челоуѣкамъ; и по виду ставъ какъ челоуѣкъ, смирилъ Себя, бывъ послушнымъ даже до смерти и смерти крестной. Посему и Богъ превознесъ Его и далъ Ему имя выше всякаго имени, дабы предъ именемъ Иисуса преклонилось всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, и всякій языкъ исповѣдалъ, что Господь Иисусъ Христосъ въ славу Бога Отца (Фил. II, 6--11). Подобнымъ образомъ, апостолъ Петръ также выдѣляетъ въ евангельской исторіи эти три основныхъ момента. Такъ онъ въ одномъ случаѣ говорилъ іудеямъ: Иисуса Назорея, мужа, засвидѣтельствованнаго вамъ отъ Бога силами и чудесами и знаменіями, которыя Богъ сотворилъ чрезъ Него среди васъ, какъ и сами знаете, сего, по опредѣленному совѣту и предвѣдѣнію Божію преданнаго, вы взяли и, пригвоздивъ ру-

¹⁾ Окончаніе. См. Май, стр. 1—45.

ками незаконныхъ, убили, но Богъ воскресилъ Его, расторгнувъ узы смерти, потому что ей невозможно было удержатъ Его (Дѣян. II, 22—24). Равнымъ образомъ въ другомъ случаѣ, въ рѣчи къ язычникамъ, св. апостоль такъ изобразилъ предъ слушателями теченіе Христовой жизни: Богъ Духомъ Святымъ и силою помазалъ Иисуса изъ Назарета, и Онъ ходилъ, благотворя и исцѣляя всѣхъ, обладаемыхъ діаволомъ, потому что Богъ былъ съ Нимъ... Наконецъ Его убили, повѣсивъ на древѣ. Сего Богъ воскресилъ въ третій день (Дѣян. X, 38—40).

Къ іудеямъ евангельская исторія была обращена со стороны чудесъ Христовыхъ, которыми они были ожесточены, такъ что распяли Его (Іоан. XII, 37—41). Вѣрующіе же участвуютъ въ жизни Христа чрезъ Его смерть и воскресеніе. Съ тѣхъ поръ какъ ученики Господа, исповѣдавъ Его Сыномъ Божиимъ, выдѣлились изъ народа какъ вѣрующіе изъ невѣрующихъ,—со времени исповѣданія Петра при Кесаріи Филипповой Христосъ постепенно пріучалъ ихъ къ мысли о Своей смерти, воспитывалъ въ нихъ ожиданіе Его смерти и воскресенія, неустанно и настойчиво училъ ихъ, что Ему должно умереть и воскреснуть: этому именно училъ Онъ ихъ какъ Своихъ учениковъ, для этого уединялся съ ними (Мѡ. XVI, 21; XVII, 22. 23; XX, 18. 19 пар.). И по воскресеніи Своемъ Онъ разъясняетъ имъ не что иное, какъ то, что Ему надлежало пострадать и войти въ славу Свою (Лук. XXIV, 26). Законченность въ воспитаніи апостоловъ и ихъ приготовленность къ всемірному проповѣданію Христа свидѣлствуются у евангелиста тѣмъ, что они сроднились съ воскресшимъ Господомъ и постигли разумомъ смыслъ смерти и воскресенія Христа (Лук. XXIV, 46).

Вѣнецъ евангельской исторіи и ея послѣдняя цѣль есть жизнь чрезъ смерть, побѣда надъ смертью въ воскресеніи. Оживотвореніе смерти есть центральный пунктъ въ благовѣстіи Христовомъ. Онъ призывалъ людей стать сынами Божиими, т. е. сынами воскресенія (Лук. XX, 36). Онъ основалъ царство Божіе, т. е. царство сыновъ воскресенія.

Дѣло Христа отвѣчаетъ дѣйствительной нуждѣ людей, такъ какъ все горе наше, все наше зло обнимается смертью: она есть наше срединное зло, она есть самое острое орудіе грѣха и ада.

Какъ дѣло Христа побѣждаетъ сердцевину нашего зла, такъ и смерть потому есть центральное зло нашей жизни, что она поражаетъ и отравляетъ самую сердцевину нашего существованія,—нашу привязанность къ жизни.

Люди жадны до жизни, привязаны къ ней: въ этомъ именно сказывается человѣческій образъ существованія, въ этой жадѣ характеристическое опредѣленіе нашей жизни, ея отличие отъ образа существованія другихъ существъ.

Жажда жизни открывается въ насъ чрезъ наше стремленіе къ счастью и совершенству. Жизнь для насъ это безграничный порывъ къ счастью и безграничное совершенствованіе.

Въ этихъ основныхъ стремленіяхъ нашей природы реализуется, получая въ нихъ плоть и кровь—наше естественное устремленіе къ Богу, къ божественному содержанію жизни. Мы хотимъ быть блаженны и совершенны „какъ боги“: здѣсь природная основа человѣческой религіи, которая образуетъ *pius* „человѣческаго“ существованія.

Наша жажда жизни, наши порывы къ счастью и совершенству, наша религія имѣютъ единственно адекватную форму выраженія въ чудѣ: мы жаждемъ жизни, т. е. жаждемъ чуда; мы хотимъ счастья и совершенства, т. е. хотимъ чуда; мы устремляемся къ Богу, т. е. къ чуду. Жажда жизни въ формѣ стремленія къ чуду, жажда счастья и совершенства въ видѣ порыва къ чуду, религія въ этой именно формѣ, это и есть собственно человѣческая жажда, человѣческое стремленіе, человѣческая религія.

Такъ началась наша жизнь, наша исторія: она началась желаніемъ нашихъ прародителей вкусить чудодѣйственныхъ плодовъ древа, чтобы быть блаженными и совершенными какъ боги. И во всей „человѣческой“ исторіи все лучшее, все живое, все человѣческое сводилось къ жадѣ чуда; гдѣ она потухала, тамъ начиналась область животнаго существованія. Еврейскій народъ, какъ народъ богоизбранный, былъ наиболѣе жизнелюбивъ и наиболѣе привязанъ къ чуду.

И вотъ наша жажда жизни неизбѣжно встрѣчается съ смертью. Въ тотъ самый день какъ прародители пожелаали чрезъ вкушеніе плодовъ сдѣлаться богами, надъ ними исполнился приговоръ: „смертію умрете“... Наша жажда жизни стоитъ лицомъ къ лицу съ смертью. Смерть во всемъ сво-

емъ ужасѣ встрѣчаетъ только человѣка. Животныя не боятся смерти. Она страшна только для насъ. Она для насъ не есть только прекращеніе жизни, но она лишаетъ смысла каждый часъ нашей жизни, она отравляетъ всю нашу жизнь, она дѣлаетъ бессмысленными наши порывы къ счастью и совершенству, нашу религію.

Что такое наше счастье, наше могущество, наша слава? Развѣ для нихъ не единственный конецъ смерть — участь самаго счастливаго, могущественнаго и славнаго изъ людей?.. „Александръ, сынъ Филиппа, македонянинъ, произвелъ много войнъ, и овладѣлъ многими укрѣпленными мѣстами, и убивалъ царей земли. И прошелъ до предѣловъ земли, и взялъ добычу отъ множества народовъ; и умолкла земля предъ нимъ, и онъ возвысился, и вознеслось сердце его. Онъ собралъ весьма сильное войско, и господствовалъ надъ областями, и народами, и властителями, и они сдѣлались его данниками. Послѣ того онъ слегъ въ постель и почувствовалъ, что умираетъ“...

„Непонятна, неизвѣдана жизнь смертныхъ въ этомъ мірѣ, сумрачная и краткая, проникнутая страданіемъ. Нѣтъ средствъ, которыми родившіеся могли бы избѣгнуть смерти. Приходить старость, близка и смерть: такова участь всего живущаго. Какъ спѣлые плоды висятъ на вѣтвяхъ, готовые каждую минуту сорваться, такъ и смертные, едва родившись, находятся въ постоянной опасности смерти. Глиняный сосудъ, сдѣланный горшечникомъ, рано или поздно, непременно разобьется; такова же судьба всѣхъ смертныхъ. И юные, и старые, и мудрые, и неразумные — всѣ подчинены силѣ смерти, надо всѣми людьми она царитъ безраздѣльно. Увы! со смертью и разрушеніемъ связанъ этотъ міръ“!

„Можно ли смѣяться, можно ли беззаботно веселиться, когда весь міръ объятъ разрушающимъ пламенемъ? Взгляни на эту разодѣтую тѣнь, состоящую изъ ранъ, хилую, одержимую желаніями, не имущую ни силы, ни защиты. Истощено это тѣло, хилое и немощное, будто готово рассыпаться оно на куски,—жизнь въ немъ уже переходитъ въ смерть“...

„О смерть! какъ горько воспоминаніе о тебѣ для человѣка, который спокойно живетъ въ своихъ владѣніяхъ, для человѣка, который ничѣмъ не озабоченъ, и во всемъ счастливъ, и еще въ силахъ принимать пищу... Десять ли, сто

ли или тысячу лѣтъ проживешь,—все равно: въ адѣ нѣтъ изслѣдованія о времени жизни“.

Итакъ, что такое наша жизнь? Непрерывный страхъ смерти, дѣлающій насъ „черезъ всю жизнь подверженными рабству“.

Поэтому всѣ усилія потомковъ Адама направлены на одно—къ побѣдѣ надъ смертью, всѣ ихъ надежды сосредоточиваются въ одной надеждѣ безсмертія!

На первый взглядъ безсмертіе представляется человѣку какъ продолженіе жизни за гробомъ—въ шеолѣ, адѣ. Но вѣдь отъ нашей земной жизни за гробомъ остается только блѣдная тѣнь, безкровный призракъ, безжизненное подобіе; наши чувства, радость, надежда, наши привязанности, наши труды—все, что составляетъ теперь нашу жизнь, живое въ ней,—все это не можетъ переступить за границу смерти, потому что все это неразрывно связано съ здѣшними условіями жизни, въ нихъ только находить для себя пищу, въ нихъ только получаетъ свою реальность. Въ адѣ „безжизненно вѣютъ“ „мертвыя тѣни“, лишеныя чувства и безумныя. Греческій герой, „богоравный“ Ахиллесъ, владычествуя въ царствѣ мертвыхъ тѣней, завидуетъ участи „живого“ поденщика, добывающаго свой насущный хлѣбъ службой у бѣднаго пахаря. Равнымъ образомъ и еврейскій шеолъ есть область сна и мрака, земля забвенія, страна молчанія, гдѣ нѣтъ ни работы, ни размышленія, ни знанія, ни мудрости. вмѣстѣ съ тѣмъ это есть царство отринутыхъ отъ руки Божіей, о которыхъ Богъ уже не воспоминаетъ, гдѣ уже не возвѣщается милость Его и не познаются чудеса Его. „Не преисподняя славить Тебя, не смерть восхваляетъ Тебя, не нисшедшіе въ могилу уповаютъ на истину Твою. Живою, только живою прославить Тебя“ (Ис. XXXVIII, 18. 19). Гдѣ нѣтъ чудесъ, гдѣ нѣтъ блаженства, гдѣ нѣтъ жизни, тамъ нѣтъ и Бога.

Чтобы жить, человѣку необходимо или спастись отъ смерти, или воскреснуть по смерти.

Дохристіанскій язычскій міръ преимущественно сосредоточилъ свою мысль на безсмертіи, а іудейскій на воскресеніи изъ мертвыхъ.

Человѣкъ неизбѣжно умираетъ, однако смерть не устраняетъ возможности безсмертія. Въ природѣ все кончается смертью, но за каждою смертію слѣдуетъ жизнь. Язычскіе

мудрецы постигли эту истину и примѣнили ее къ человѣческому существованію. „Кто знаетъ, говорилъ греческій поэтъ, жизнь не есть ли смерть, а смерть не есть ли жизнь?“ Если такова связь жизни съ смертью, то истинной жизни можно достигнуть только чрезъ смерть. Конечно, не насильственная смерть ведетъ къ безсмертію,—умертвить себя значило бы утвердить смерть: порогомъ къ безсмертію служить свободная смерть какъ подвигъ человѣка. Призывъ къ подвигу смерти мы встрѣчаемъ у восточныхъ и у западныхъ мудрецовъ.

По пантеистическому представленію индійской религіи міровая жизнь есть игра Майи, призрачная паутина, обманчивое сновидѣніе, тяжелый кошмаръ, царство непрерывной смерти. Всѣ живыя существа этого міра, хотя дѣйствительно страдаютъ тяжелымъ сновидѣніемъ, однако не существуютъ реально: истинно живетъ только одинъ Богъ. Вся наша жизнь есть тяжелое страданіе и непрерывное умираніе. Міръ со всѣми наполняющими его существами есть только призрачное явленіе божественной жизни, подобное пузырямъ на поверхности воды, искрамъ отъ раскаленного желѣза, по которому ударяютъ молотомъ. Но во власти человѣка есть средство освободиться отъ кошмара призрачнаго существованія: кто сознаетъ иллюзорность существованія, освобождается отъ привязанности къ жизни, подавляетъ въ себѣ желанія и страсти, тотъ поднимается выше обмана призрачнаго существованія, пробуждается какъ бы отъ сна, сбрасываетъ съ себя оковы мнимой индивидуальности и, сливаясь съ Богомъ, становится божественнымъ и безсмертнымъ. Отсюда послѣдняя задача нравственной дѣятельности человѣка состоитъ въ погашеніи всякаго пожеланія, всякаго движенія жизни, въ смерти прежде смерти. Такимъ путемъ человѣкъ уничтожаетъ въ себѣ смертный матеріалъ, такъ что для смерти не остается пищи и ей предоставляется развѣ только докончить то, что человѣкъ дѣлаетъ всю жизнь, дать ему послѣднюю желанную свободу отъ оковъ индивидуальности, отъ тяжести тѣла, отъ обмана призрачнаго существованія. На пути добровольнаго умиранія человѣкъ дѣйствительно въ значительной степени ограждаетъ себя отъ внѣшнихъ бѣдъ, становится нечувствительнымъ, безстрастнымъ и безстрашнымъ, побѣждаетъ въ себѣ даже страхъ

смерти, преодолеваетъ въ себѣ индивидуальность. Но эта побѣда дается ему только въ смертномъ издыханіи и съ нимъ кончается. Здѣсь достигается свобода только отрицательная и для нея не имѣется никакого положительнаго содержанія. Это вполне соотвѣтствуетъ тому, что и само божество, понимаемое пантеистически, представляетъ изъ себя лишь отрицаніе живыхъ индивидуальностей, отвлеченное единство, безсодержательное и безжизненное. Въ сущности оно неуловимо для человѣческаго исканія, недостижимо для него, какъ и самъ человѣкъ приходитъ къ нему мертвымъ, дѣлаетъ изъ своей жизни пустую жертву.

Въ философіи Платона пустота универсальной основы міровыхъ явленій наполнена содержаніемъ: такую основу онъ призналъ разумъ, его идеи, по отношенію къ которымъ существа этого міра суть явленія. Душа человѣка происходитъ изъ идеальнаго міра, но заключена въ тѣло, какъ въ темницу. Идеальное происхожденіе души обнаруживается въ воспоминаніи, къ которому сводится истинное познаніе, причемъ познаніе образуетъ единственный путь, которымъ душа снова возвышается до идеальнаго міра, очищается отъ чувственной оболочки. Такимъ образомъ въ системѣ Платона философія имѣетъ практическое значеніе очищенія. Въ этой жизни наше знаніе обусловливается и ограничивается дебелостью нашего тѣла, которымъ, какъ бы рѣшетками темницы, закрывается отъ насъ истинно сущее, такъ что мы тѣмъ ближе къ истинѣ, чѣмъ меньше доврѣяемъ тѣлеснымъ чувствамъ, а знаніе въ полнотѣ и совершенствѣ будетъ доступно для насъ лишь по смерти, когда мы непосредственно будемъ созерцать царство идей. Поэтому истинный философъ желаетъ смерти и философія есть умираніе, или приготовленіе къ смерти. Конечно, самоубійство недопустимо, но философъ подавляетъ въ себѣ чувственные аффекты, которые привязываютъ его къ тѣлу, загрязняютъ его душу, такъ что онъ работаетъ надъ постепеннымъ освобожденіемъ своей души отъ оковъ тѣла и съ радостью въ свое время встрѣчаетъ смерть, которая переноситъ его безсмертный духъ въ сообщество боговъ. Такъ философія Платона даетъ положительное содержаніе безсмертной жизни нашего духа и его общенію съ идеальнымъ царствомъ; однако здѣсь идеальный міръ существуетъ лишь для человѣческаго знанія,

а не для человѣческой жизни, съ идеями человѣкъ можетъ вступить лишь въ отвлеченное общеніе, а не въ живое, для безсмертія предназначается лишь духъ въ свободѣ отъ тѣла, которая однако доступна только нашему мышленію, созерцанію. Нѣтъ основаній полагать, чтобы и по смерти отъ человѣка сохранилось что либо болѣе отвлеченнаго мышленія, которое однако не составляетъ жизни. Поэтому какъ эта жизнь лишается всякаго значенія, такъ вмѣстѣ она не подготавливаетъ и загробной жизни.

Наряду съ идеей безсмертія, въ дохристіанскомъ мірѣ была извѣстна и идея воскресенія, преимущественно развившаяся въ сознаніи іудейскаго народа. Ожиданіе воскресенія іудеи соединяли съ временами Мессіи, въ которыя іудейская праведность получить полную награду и іудейскій народъ восторжествуетъ надъ всѣми своими врагами. Въ іудейскомъ пониманіи образа воскресенія прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то, что оно выступаетъ въ качествѣ простой отмѣны смерти и возобновленія земной жизни, почему оказывается необходимымъ лишь для умершихъ израильтянъ, чтобы сдѣлать для нихъ возможнымъ участіе въ благахъ мессіанскаго царства, которое исполнѣ и прежде всего будетъ доступно дожившимъ до него сынамъ Авраама. Блага мессіанскаго царства здѣсь выступаютъ предъ нами въ рѣзко-чувственной окраскѣ и въ сіяніи чудеснаго величія. Въ царствѣ Мессіи ожидалось новое небо и новая земля съ неслыханнымъ плодородіемъ и невиданнымъ изобиліемъ всяческихъ предметовъ чувственнаго наслажденія. Вмѣстѣ съ этимъ и воскресшіе представляются въ полнотѣ свойствъ душевно-тѣлесной жизни, хотя ея границы расширяются до предѣловъ чудеснаго, въ чемъ открывается божественное покровительство для праведниковъ. Хотя возможность воскресенія въ іудейскихъ вѣрованіяхъ почти не утверждалась на свойствахъ человѣческой природы и потому менѣе всего давала мѣсто положительнымъ выводамъ въ пользу развитія чувственныхъ сторонъ жизни, поскольку здѣсь на первомъ планѣ стояла номистическая праведность, требовавшая соразмѣрной награды, однако чувственный характеръ послѣдней, предполагающей и полноту чувственныхъ потребностей въ воскресшихъ и чувственныхъ условій ихъ жизни, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Наряду съ этимъ

доступность мессіанскихъ благъ ограничивается однимъ богоизбраннымъ народомъ и участіе его въ божественной жизни по воскресеніи исчерпывается теократическимъ устройствомъ мессіанскаго царства съ поразительно - суровымъ судомъ для всѣхъ враговъ Израиля.

Въ отличіе отъ языческаго и іудейскаго чаяніи Христось Спаситель училъ не о безсмертіи, а о воскресеніи изъ мертвыхъ,—о воскресеніи не для земной плотской жизни, а для жизни небесной, духовной, ангелоподобной.

Въ ученіи Христа прежде всего примѣчательно то, что Онъ вѣру въ загробную жизнь не основывалъ на свойствахъ человѣческаго существа, Онъ не училъ о загробномъ существованіи какой нибудь части человѣческой природы,—души или духа. Въ Его ученіи загробное существованіе усвоется только божественной жизни, которая по самому существу своему есть жизнь вѣчная, непреходящая, недоступная смерти. Человѣкъ можетъ быть безсмертнымъ лишь въ томъ смыслѣ, что онъ принимаетъ въ себя божественную жизнь, которая не увидитъ смерти вовѣкъ: ею человѣкъ и можетъ жить по смерти. Посему, чтобы воскреснуть, человѣкъ до смерти долженъ имѣть въ себѣ жизнь вѣчную. „Воля Пославшаго Меня есть та, чтобы всякій, видящій Сына и вѣрующій въ Него, имѣлъ жизнь вѣчную,—и Я воскрешу его въ послѣдній день“ (Іоан. VI, 40 ср. 54). Христось есть воскресеніе и жизнь (*εγώ ειμι η ανωστασις και η ζωη* Иоан. XI, 25), т. е. Онъ есть воскресеніе, потому что Онъ есть жизнь. Онъ воскреситъ насъ потому, что даетъ намъ вѣчную жизнь, которая не погибнетъ вовѣкъ (Іоан. VIII, 51; X, 28; XI, 26).

Однако загробная жизнь по ученію Христа не есть собственно безсмертіе, а воскресеніе, — и воскресеніе не для земной жизни, а для жизни небесной, ангелоподобной. Онъ не говорилъ Своимъ ученикамъ: вы безсмертны, потому что умрете,—или: вы воскреснете, хотя умрете ¹⁾. Онъ говорилъ: вы должны умереть, чтобы воскреснуть. Человѣкъ необходимо умереть и его смерть есть необходимое условіе воскресенія. Но что онъ необходимо умереть, этого мало для его воскресенія: онъ долженъ свободно умереть. Христось при-

¹⁾ Иоан. XI, 25. 26 выражаетъ только моменты системы, но не сущность ея.

зываетъ Своихъ учениковъ къ смерти. „Сберегшии душу (жизнь) свою потеряетъ ее; а потерявшии душу свою ради Меня сбережетъ ее... Если кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крестъ свой, и слѣдуй за Мною. Ибо кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее; а кто потеряетъ душу свою ради Меня, тотъ обрѣтетъ ее (Мѡ. X, 39; XVI, 24 пар.). Если пшеничное зерно падши въ землю не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода. Любящій душу свою погубитъ ее; а ненавидящій душу свою въ мѣрѣ семъ сохранитъ ее въ жизнь вѣчную“ (Іоан. XII, 24. 25). Смерть, къ которой Христосъ призываетъ Своихъ учениковъ, есть во всякомъ случаѣ смерть физическая, однако прежде всего это есть душевно-личное самоотречение: Христосъ призываетъ насъ къ самоотреченію до смерти, къ полному самоотреченію, дѣйствительность котораго дѣлаетъ уже невозможнымъ возобновленіе земной, плотской жизни въ полнотѣ ея душевно-личныхъ интересовъ. Это условіе христіанскаго воскресенія достаточно обосновываетъ тотъ выводъ, что жизнь сыновъ воскресенія будетъ вполнѣ иною жизнью,—они будутъ жить вѣчною божественною жизнью. Однажды „приступили къ Нему саддукеи, которые говорятъ, что нѣтъ воскресенія, и спросили Его: Учитель! Моисей сказалъ: если кто умретъ, не имѣя дѣтей; то братъ его пусть возьметъ за себя жену его, и возстановитъ сѣмя брату своему. Было у насъ семь братьевъ; первый женившись умеръ и, не имѣя дѣтей, оставилъ жену свою брату своему. Подобно и второй, и третій, даже до седьмаго. Послѣ же всѣхъ умерла и жена. Итакъ, въ воскресеніи, котораго изъ семи будетъ она женою? ибо всѣ имѣли ее. Иисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: заблуждаетесь, не зная писаній, ни силы Божіей. Ибо въ воскресеніи ни женятся, ни выходятъ замужъ; но пребываютъ, какъ ангелы Божіи на небесахъ. А о воскресеніи мертвыхъ не читали ли вы реченнаго вамъ Богомъ: Я Богъ Авраама, и Богъ Исаака, и Богъ Іакова? Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ“.

Намъ обѣтовано не безсмертіе вѣчной жизни, а воскресеніе, такъ какъ мы должны умереть, чтобы жить по смерти вѣчною божественною жизнью, и это будетъ уже иная жизнь, чѣмъ та, которая помретъ. А необходима смерть для вѣчной

жизни потому, что только такимъ путемъ мы можемъ усвоить себѣ вѣчную божественную жизнь. Въ призывѣ Христа къ самоотреченію до смерти особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что христіанская смерть есть самоотреченіе для усвоенія вѣчной божественной жизни, такъ что добровольное умираніе христіанина вполне подобно тому, что происходитъ съ деревомъ, къ которому дѣлають прививку. Христіанинъ будетъ жить по смерти иною жизнью, но будетъ жить иною жизнью онъ самъ; онъ будетъ жить тою жизнью, которую долженъ усвоить прежде смерти, но вполне усвоить ее онъ можетъ только въ самоотреченіи до смерти. Намъ открыто Христомъ, что Богъ есть Духъ, что Онъ есть любовь. Духовная жизнь христіанина, которой обѣтована вѣчность, не есть анатомическій остатокъ человѣческаго существа, расчлененнаго на духъ, душу и тѣло, или духъ и тѣло, — но это есть божественная жизнь. Духовная божественная жизнь не есть опять мистическая отвлеченность, но это есть живая реальность — это есть жизнь любви. „Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга; какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга. По тому узнають всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“ (Іоан. XIII, 34. 35). Жизнь любви и есть вѣчная божественная жизнь. „Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ... Мы знаемъ, что мы перешли изъ смерти въ жизнь, потому что любимъ братьевъ“ (1 Іоан. III, 14; IV, 16). И познаніе, о которомъ говоритъ Господь въ Своей первосвященнической молитвѣ—„сія есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя, единаго истиннаго Бога“ (Іоан. XVII, 3)—есть тоже любовь. „Любовь отъ Бога, и всякій любящій рожденъ отъ Бога, и знаетъ Бога. Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь“ (1 Іоан. IV, 7. 8). Ученіе Христа есть единственное изъ всѣхъ религіозныхъ ученій по тому, что въ немъ метафизическія основы имѣють всецѣло нравственное значеніе.—Въ томъ, что божественная духовная жизнь есть любовь, лежитъ достаточное основаніе того, почему она можетъ быть усвоена лишь чрезъ добровольную смерть. „Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“ (Іоан. XV, 13). Любовь и смерть связаны неразрывно. Только любовь дѣлаетъ изъ смерти переходъ

къ жизни; вмѣстѣ съ тѣмъ любовь становится дѣйствительною и полною лишь въ самоотреченіи до смерти. Поэтому божественная духовная жизнь дана намъ не въ безсмертіи, а въ воскресеніи. Къ этому приводитъ то, что смерть фактически уничтожаетъ въ насъ плотское начало, плотскіе элементы, тѣло смерти, и тѣмъ служитъ полному торжеству духовной жизни.

Итакъ формула христіанства такова: божественное въ любви до смерти для вѣчной жизни въ воскресеніи.

Эсхатологія существенно входитъ въ христіанское міропониманіе.

Господь Христосъ училъ о вѣчной божественной жизни и о царствіи Божіемъ, или небесномъ. То, что въ евангеліи Іоанна преимущественно говорится о жизни, а царствіе упоминается рѣдко (III, 3. 5; XVIII, 38), напротивъ у первыхъ трехъ евангелистовъ преимущественно рѣчь идетъ о царствіи и рѣже о жизни,—это обстоятельство достаточно уже говоритъ за то, что по существу ученіе о царствіи Божіемъ совпадаетъ съ ученіемъ о вѣчной жизни. То же съ очевидностью слѣдуетъ изъ того, что выраженія „вѣчная жизнь“ и „царствіе Божіе“ во многихъ случаяхъ замѣняютъ одно другое: такъ „лучше тебѣ увѣчному войти *въ жизнь*“ (Мр. IX, 43. 45; Мѡ. XVIII, 8) = „лучше тебѣ съ однимъ глазомъ войти *въ царствіе Божіе*“ (Мр. IX, 47) = „лучше тебѣ съ однимъ глазомъ войти *въ жизнь*“ (Мѡ. XVIII, 9); также „имѣть жизнь вѣчную“, „войти въ жизнь“ (Мѡ. XIX, 16. 17 пар.) = „войти въ царство небесное“, „войти въ царство Божіе“ (Мѡ. XIX, 23. 24 пар.). На проповѣдь царства Божія можно смотрѣть частью какъ на форму ученія о вѣчной жизни, наиболѣе приспособленную къ іудейскимъ политическимъ чаяніямъ. По существу же, царство Божіе, обнимая вѣчную жизнь какъ самое высшее изъ благъ, составляющихъ его, дополняетъ ее, какъ обществомъ дополняется личность. Вѣчная жизнь есть достояніе индивидуума; царство Божіе есть царство сыновъ воскресенія. Въ царствѣ Божіемъ вѣчная жизнь открывается подъ закономъ органической связи людей между собою. Въ силу этого закона, кто удостоивается вѣчной жизни и воскресенія изъ мертвыхъ (*οἱ καταξιωθέντες τοῦ αἰῶνος ἐκείνου τυχεῖν καὶ τῆς ἀναστάσεως τῆς ἐκ νεκρῶν*), тотъ становится необходимо членомъ царствія Божія (*οἱ εἰσὶν*

θεοῦ τῆς ἀναστάσεως υἱοὶ ὄντες),—и обратно, чтобы достигнуть вѣчной жизни, необходимо стать членомъ царства Божія (1 Иоан. IV, 12. 20).

Въ проповѣди Христа о царствѣ Божіемъ вниманіе наше невольно останавливается на томъ, что оно представляется то наступившимъ вмѣстѣ съ благовѣстіемъ Христа (напр. Мр. I, 15; Лук. IV, 21 и мн. др.), то имѣющимъ осуществиться вполнѣ, „прийти въ силѣ“, только въ будущемъ (Мр. IX, 1 и мн. др.). Какъ въ существѣ царство Божіе совпадаетъ съ вѣчною жизнью, такъ и эсхатологическій характеръ его образуется воскресеніемъ изъ мертвыхъ его членовъ. Различіе между царствомъ Божіимъ, которое уже открылось съ проповѣдью Христа, и его грядущимъ пришествіемъ въ силѣ вполнѣ исчерпывается различіемъ между усвоеніемъ вѣчной божественной жизни вѣрующими до смерти и ея полнымъ откровеніемъ по смерти въ воскресеніи. „Истинно, истинно говорю вамъ: наступаетъ время (*ἔρχεται ὥρα*) и настало уже (*καὶ νῦν ἐστίν*), когда мертвые услышатъ гласъ Сына Божія и, услышавъ, оживутъ“ (Иоан. V, 25). Эсхатологія царства Божія воскресенію мертвыхъ лишь придаетъ характеръ объективности. Такъ какъ вѣрующіе воскреснутъ не каждый самъ по себѣ, а какъ сыны царства по закону органической связи людей между собою, то воскресшіе будутъ не только живы для Бога, но будутъ реальны другъ для друга, т. е. воскреснутъ въ нѣкоторой тѣлесности (*σῶμα πνευματικόν*), воскресеніе будетъ всеобщимъ, равнымъ образомъ объективно-всеобщимъ будетъ судъ надъ ними, объективною будетъ парусія Христа...

Итакъ воскресеніе изъ мертвыхъ составляетъ самое основное христіанское чаяніе.

Но Христосъ Спаситель не только призывалъ къ добровольному самоотреченію и проповѣдывалъ воскресеніе изъ мертвыхъ, не только училъ о воскресеніи, но Онъ фактически побѣдилъ смерть, явился „первенцемъ изъ мертвыхъ“ (1 Кор. XV, 20; Апок. I, 5), основалъ царство сыновъ воскресенія.

Господь Христосъ основалъ царство сыновъ воскресенія потому, что чрезъ Него именно явилась въ людяхъ вѣчная божественная жизнь (1 Иоан. I, 2), чрезъ Него открылась намъ божественная любовь (1 Иоан. III, 16; IV, 9. 10. 16),

которою Онъ первый возлюбилъ насъ. Посему вѣчную жизнь имѣеть лишь тотъ, кто вѣруеть въ Сына, соблюдаетъ Его слово, Имъ оживотворенъ, Имъ живетъ....

Чтобы передать людямъ Свою божественную жизнь, Христу „должно“ было умереть, дать душу Свою для избавленія многихъ, потому что только въ добровольной смерти Его проявилась наивысшимъ образомъ Его любовь, только чрезъ смерть Онъ могъ духовно соединиться со всѣми вѣрующими.

Однако Христу „должно“ было не только умереть, но и воскреснуть. „Потому любить Меня Отецъ, что я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее. Никто не отнимаетъ ее у Меня; но Я Самъ отдаю ее. Имѣю власть отдать ее, и власть имѣю опять принять ее. Сію заповѣдь получилъ Я отъ Отца Моего“ (Іоан. X, 17. 18).

Воскресеніе изъ мертвыхъ составляетъ величайшее христіанское чаяніе; воскресеніе Христа образуетъ краеугольный камень христіанства.

Если бы Христосъ умеръ и не воскресъ, то христіанство было бы только ученіемъ; если бы христіанство было только ученіемъ, то это было бы самое странное ученіе и мы были бы самыми несчастными изъ людей.

Но Христосъ воскресъ. Христіанство есть не только ученіе, оно есть жизнь. „Я живу, и вы будете жить“ (Іоан. XIV, 19).

Какое же значеніе для насъ имѣеть воскресеніе Христа? Какіе практическіе выводы отсюда вытекають?

Воскресшій Христосъ для насъ первенецъ изъ умершихъ. Онъ умеръ и воскресъ. И мы призываемся къ упованію воскресенія. Чтобы съ Нимъ воскреснуть, съ Нимъ мы должны умереть.

Умереть со Христомъ значить жить по духу, а не по плоти. Плодъ духа: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе. Дѣла плоти суть: прелюбодѣяніе, блудъ, ненависть, убійства, вражда, ссоры, нечистота, непотребство и тому подобное. Живущіе по плоти умрутъ; живущіе по духу живы будутъ.

Должно избѣгать двухъ крайностей въ выводахъ изъ факта воскресенія Христова: языческаго аскетизма, или самоумерщвления, и грубо-чувственныхъ ожиданій іудейства. Духъ

христіанина не есть анатомическая часть человѣческаго существа, для безсмертія которой требовалась бы аскетическая свобода отъ тѣлесности, это есть духъ божественной жизни. Но все же наше упованіе — воскресеніе не для продолженія чувственной жизни, а для жизни духовной. Въ христіанствѣ нѣтъ основаній ни для пантеистическаго аскетизма, ни для святости плоти.

Плодъ духа есть любовь, а любовь мы можемъ проявить только въ полнотѣ естественной жизни. Таковъ косвенный выводъ изъ христіанскаго упованія, противный пантеистическому аскетизму, въ сферѣ котораго нѣтъ мѣста для проявленій любви. Но прямой выводъ изъ христіанскаго упованія тотъ, чтобы мы жили въ условіяхъ естественной жизни не по плоти, а по духу, чтобы мы носили въ тѣлѣ своею мертвость Христа, дабы и жизнь Его явилась въ насъ.

Такъ и въ началѣ и въ концѣ воскресеніе Христа отсылаетъ насъ къ Его смерти. Въ этой и послѣдняя основа нашего убѣжденія.

Если такимъ образомъ у насъ отнимается внѣшнее видѣніе, какъ опора нашей вѣры, и послѣдняя отсылается, какъ къ своей единственной основѣ, къ собственному творчеству и опыту духовной жизни, то тѣмъ болѣе она пріобрѣтаетъ внутренней несокрушимости, являясь положительно неуязвимою не только для мнимаго острія стрѣлъ научной отрицательной критики, но даже для дѣйствительнаго орудія началъ и силъ, высоты и глубины (Римл. VIII, 38. 39), потому что вѣра наша дѣйствуетъ любовью (Гал. V, 6; ср. 2 Кор. V, 1 — 8; Филип. I, 23). Такая именно несокрушимая вѣра сама утверждаетъ равно какъ начало, такъ и конецъ евангельской исторіи, нуждаясь съ чисто объективной стороны только въ идейномъ содержаніи, но никакъ не въ силѣ, которую черпаетъ въ опытномъ переживаніи жизни Христовой (2 Кор. XIII, 5). Если Христосъ живетъ во мнѣ (Гал. II, 20) и я живу для Него (Римл. XIV, 8), то посему живъ Христосъ. Моя вѣра свободна отъ власти всякихъ немощныхъ стихій, потому что дѣйствуетъ въ новой сферѣ и сама является началомъ совершенно новаго порядка жизни (2 Кор. V, 17). Чтобы познать намъ Господа и силу воскресенія Его, чтобы народилась въ насъ эта вѣра, намъ нужны не знаменія и чудеса, не видѣнія невидимаго, а нужно уча-

стіе въ страданіяхъ Его, сообразность смерти Его, такъ чтобы самимъ достигнуть воскресенія изъ мертвыхъ (Филип. III, 10. 11; Кол. II, 12), нужно носить въ собственномъ тѣлѣ мертвость Господа Иисуса, такъ чтобы и жизнь Иисусова открылась въ насъ (2 Кор. IV, 10), быть немощными въ Немъ, чтобы и жить съ Нимъ силою Божіею (XIII, 4), нужно намъ умереть съ Нимъ, чтобы съ Нимъ и ожить (2 Тим. II, 11),—креститься въ смерть Христа, дабы, какъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, такъ и намъ жить новой жизнью и такимъ образомъ, соединившись съ Нимъ подобіемъ Его смерти, соединиться съ Нимъ и въ воскресеніи (Рим. VI, 4. 5),—намъ нужно предаться Воскресшему изъ мертвыхъ (VII, 4), стать съ Нимъ однимъ духомъ (1 Кор. VI, 17). Если жизнь Иисусова открывается въ насъ, если мы смотримъ не на видимое, но на невидимое, если мы ходимъ вѣрою, а не видѣніемъ (2 Кор. IV, 11. 18; V, 7), то необходимо крѣпнеть наше небесное упованіе и утверждается для насъ источникъ нашей жизни—вѣчная жизнь Христа Иисуса. Одновременно съ тѣмъ, какъ мы оказываемся самыми несчастными людьми въ границахъ земного существованія и видимыхъ благъ (1 Кор. XV, 19), для насъ реальнѣе видимаго міра становится невидимая жизнь Господа, ибо намъ не къ кому больше идти, такъ какъ только у Него глаголы нашей жизни (Іоан. VI, 68). Въ дѣйствительности нашей внутренней жизни (2 Кор. IV, 16) непоколебимое основаніе нашей вѣры какъ въ то, что Сынъ Божій родился отъ сѣмени Давида по плоти, такъ и въ то, что Иисусъ открылся чрезъ воскресеніе изъ мертвыхъ Сыномъ Божіимъ въ силѣ, по духу святости (Римл. I, 3. 4). Безъ идейнаго содержанія вѣчной божественной жизни, какъ оно открывается въ евангельской исторіи, факты рожденія Иисуса отъ Духа и Его воскресенія изъ мертвыхъ были бы чудовищными фактами; и нѣтъ такихъ внѣшнихъ доводовъ, которые могли бы убѣдить меня въ ихъ дѣйствительности. Но за то принятая во свѣтъ разума евангельской исторіи и утвержденная на опытѣ собственной духовной жизни, истина вѣчной жизни Господа Иисуса не можетъ быть поколеблена во мнѣ никакими внѣшними доказательствами. Что за важность, если моя жизнь для наблюдающихъ ее со стороны ничтожна, тлѣнна и быстро приближается къ смерти; христіанинъ внутри себя

имѣеть непреходящую жизнь, въ одну секунду смерти онъ можетъ пережить вѣчность, перейти въ вѣчность. Я живъ для Христа и Христосъ живъ для меня; для Него живы все вѣрующіе и Онъ живъ для вѣрующихъ. Мы вмѣстѣ съ Нимъ живемъ на небесахъ (Еф. I, 3; II, 6; Филип. III, 20). Мертвое мое естество оживотворено Христомъ, поэтому живъ Христосъ (I Кор. XV, 13). Воистину Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, потому что поглощена наша смерть Его побѣдою и намъ, мертвымъ, дарована Имъ жизнь (Еф. II, 1—6).

Благодареніе Богу, даровавшему намъ побѣду Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ! Итакъ будемъ тверды, непоколебимы, будемъ всегда преуспѣвать въ дѣлѣ Господнемъ, зная, что трудъ нашъ не тщетенъ предъ Господомъ (I Кор. XV, 57. 58).

М. Таръевъ.